

Информация для цитирования:

Бахарев Д.В. Накануне ГУЛАГа: хроника борьбы за контроль над местами лишения свободы в 1927–1930 гг. // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 3(42). С. 12–21. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.91.47.002.

For citation:

Bakharev D.V. Nakanune GULAGa: Khronika bor'by za kontrol' nad mestami lisheniya svobody v 1927–1930 gg. [On the Eve of the GULAG: A Chronicle of the Struggle for Control above Penitentiary Institutions in 1927–1930]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 3(42), pp. 12–21. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.91.47.002.

УДК 343.81:93/94

**НАКАНУНЕ ГУЛАГА: ХРОНИКА БОРЬБЫ ЗА КОНТРОЛЬ
НАД МЕСТАМИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В 1927–1930 ГГ.**

Д.В. Бахарев¹

¹ ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: demetr79@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3922-3554

Аннотация. Введение: История становления и развития советской пенитенциарной системы в 1920–1930-х гг. всегда вызывала большой интерес как у отечественных, так и у зарубежных исследователей. При этом относительно малоизученным аспектом рассматриваемого вопроса являются теоретические дискуссии и аппаратные межведомственные стычки по поводу осуществления контроля за местами лишения свободы, происходившие в 1927–1930 гг. По сути, они послужили толчком к ликвидации НКВД РСФСР и передаче от него мест заключения Наркомату юстиции и, в конечном итоге, ОГПУ при СНК РСФСР. А это, в свою очередь, способствовало трансформации советской карательной системы тюремного типа в систему колоний и лагерей, сохраняющую свои основные черты вплоть до сегодняшнего дня. **Цель:** На основе анализа печатных работ руководителей и ключевых функционеров ведомств – участников дискуссии дополнить и детализировать сложившуюся на сегодня картину теоретической дискуссии и межведомственной борьбы за контроль в сфере исполнения уголовных наказаний в РСФСР на рубеже 1920–1930-х гг. **Методы:** Основу исследования составляет совокупность теоретических методов научного познания. **Результаты:** Установлено, что Наркомюст РСФСР (в лице Н.М. Янсона, Н.В. Крыленко, Ф.К. Трасковича) пытался использовать возникший в 1927–1928 гг. «перелимит» заключенных в учреждениях, подведомственных НКВД, для ослабления позиций его руководства (В.Н. Томачев, Е.Г. Ширвиндт). В условиях начавшегося в 1928 г. роста уровня преступности (как следствия массовой коллективизации) и увеличения численности заключенных, руководство Наркомюста требовало от НКВД неукоснительного соблюдения всех требований, установленных Уголовно-исправительным кодексом 1924 г., что в тогдашних условиях было заведомо невыполнимо. Все это в итоге привело к ликвидации НКВД в декабре 1930 г. и переподчинению мест заключения Наркомюсту и ОГПУ. **Выводы:** Трансформация советской системы мест заключения в «ГУЛАГ» являлась неизбежным следствием установившегося в СССР политического режима сталинской диктатуры. Одним из его неотъемлемых элементов являлись массовые репрессии, многократно увеличившие численность заключенных. Из соображений целесообразности политическому руководству страны представлялось оптимальным их содержание в системе колоний, предназначенных для пионерного освоения ресурсного потенциала отдаленных и (или) труднодоступных регионов страны.

Ключевые слова: уголовная политика; лишение свободы; НКВД; Народный комиссариат юстиции; ОГПУ; Крыленко; Ширвиндт; Сталин; коллективизация.

ON THE EVE OF THE GULAG: A CHRONICLE OF THE STRUGGLE
FOR CONTROL ABOVE PENITENTIARY INSTITUTIONS
IN 1927–1930

Dmitry V. Bakharev¹

¹ Perm Institute of the FPS of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012
E-mail: demetr79@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3922-3554

Abstract. Introduction: The history of the formation and development of the Soviet penitentiary system in the 1920s–1930s has always aroused great interest among both domestic and foreign researchers. At the same time, a relatively poorly studied aspect of the issue under consideration is theoretical discussions and interdepartmental management struggle for the control over penitentiary institutions that took place in 1927–1930. In fact, they served as the impetus for the liquidation of the NKVD of the RSFSR and the transfer from it of places of detention to the People's Commissariat of Justice and, ultimately, the OGPU under the Council of People's Commissars of the RSFSR. And this, in its turn, contributed to the transformation of the Soviet punitive system of the prison type into a system of colonies and camps, which retains its main features up to the present day. **Aim:** Based on the analysis of the printed works of the heads and key functionaries of the departments participating in the discussion, to add and detail the current picture of the theoretical discussion and interdepartmental struggle for the control in the sphere of the execution of criminal punishments in the USSR at the turn of 1920–1930. **Methods:** The research is based on a set of theoretical methods of scientific knowledge. **Results:** It was found that the People's Commissariat of Justice of the RSFSR (represented by N.M. Janson, N.V. Krylenko, F.K. Traskovich) tried to use the situation of overpopulation of prisoners which emerged in 1927–1928 in institutions subordinated to the NKVD, in order to weaken the positions of its leadership (V.N. Tomachev, E.G. Shirvindt). In the context of the growth of the crime rate that began in 1928 (as a consequence of the beginning of collectivization) and the increase in the number of prisoners, the leadership of the People's Commissariat of Justice demanded that the NKVD unswervingly comply with all the requirements established by the Criminal Correctional Code of 1924, which in those conditions was deliberately unfeasible. All this ultimately led to the liquidation of the NKVD in December 1930 and the reassignment of places of detention to the People's Commissariat of Justice and the OGPU. **Conclusions:** The transformation of the Soviet system of places of detention into the "GULAG" was an inevitable consequence of the political regime of the Stalinist dictatorship established in the USSR. One of its inalienable elements was massive repression, which multiplied the number of prisoners. For reasons of expediency, the political leadership of the country considered it optimal to keep them in the system of colonies intended for the pioneering development of the resource potential of remote and (or) hard-to-reach regions of the country.

Keywords: criminal policy; imprisonment; NKVD; People's Commissariat of Justice; OGPU; Krylenko; Shirvindt; Stalin; collectivization.

Введение

Сложившийся на сегодняшний день «колонийский» профиль отечественной системы мест заключения был получен ею «в наследство» от лагерной системы СССР. Рождение советского ГУЛАГа – исключительного феномена в мировой пенитенциарной практике – датируется рубежом 20-30-х гг. прошлого столетия. События, предшествовавшие этому моменту, всегда вызывали большой интерес у историков. Однако сегодня, когда с новой силой разгораются споры о целесо-

образности постановки пенитенциарной системы «лагерного» типа вновь на «тюремные» рельсы, особый интерес в глазах исследователей приобретает ход и содержание теоретической дискуссии и последовавшей за ней межведомственной борьбы за контроль над местами лишения свободы. Ведь понимание сути идейных предпосылок и аппаратных интересов сторон-участников этого спора позволит сформировать более взвешенную и обоснованную позицию в вопросе о векторе дальнейшего развития российской системы исполнения наказаний.

Основной историографической работой по этому вопросу является публикация С.А. Красильникова¹, задействовавшая значительный массив архивных материалов. Однако вплоть до сегодняшнего дня достаточно слабо исследованным остается большая часть публикаций участников дискуссии в ведомственной и периодической печати того времени. В этой связи в данной статье на основе анализа печатных работ руководителей и ключевых функционеров ведомств – участников дискуссии (Народных комиссариатов юстиции (НКЮ) и внутренних дел (НКВД) РСФСР) предполагается дополнить и уточнить сложившуюся сегодня в исторической науке картину теоретической и аппаратной борьбы за контроль в сфере исполнения уголовных наказаний в СССР на рубеже 1920–1930-х гг.

Результаты

Начало активной фазы указанной борьбы следует отнести к 2-й пол. 1927 г. К этому времени сложившаяся в РСФСР система мест лишения свободы (практически полностью находившаяся в подчинении Главного управления мест заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР)² испытывала серьезные затруднения в своей деятельности. Дело в том, что к концу этого года практика применения обновленной редакции Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. со всей очевидностью продемонстрировала наличие в его тексте ряда положений, хотя и представлявшихся на тот момент советскому законодателю весьма прогрессивными, но по факту существенно затруднявших деятельность судов и других государственных органов в части назначения и исполнения «мер социальной защиты». Главными среди них были: а) установление в Кодексе минимального срока лишения свободы в 1 день, и б) наличие в санкциях ряда статей Особенной части в качестве альтернативы наказанию в виде принудительных работ лишения свободы на срок в несколько месяцев. Фактическое отсутствие на тот период условий для полноценной реализации принудительных работ во многом вынуждало судей назначать наказание в виде лишения свободы на короткие сроки за преступления небольшой тяжести. В результате на фоне реального снижения объема и уровня преступности в стране количество заключенных в местах лишения свободы неуклонно росло [16, р. 58].

Предложения по решению этой проблемы бы-

ли оперативно высказаны представителями обих заинтересованных ведомств – НКЮ, руководившего на тот момент деятельностью судов и прокуратуры, и НКВД РСФСР, в подчинении которого, как уже указывалось, находилось ГУМЗ. Так, по мнению Н.В. Крыленко (занимавшего на тот момент должность заместителя наркома юстиции РСФСР и старшего помощника Прокурора РСФСР), сложившаяся ситуация явилась прямым следствием недостатков действующего УК, на который, как он указывал, «хотя и нельзя смотреть как на перепечатку буржуазных кодексов с некоторым изменением терминологии, но все же нельзя не признать, что при создании Уголовного кодекса влияние этих последних сказалось в достаточной степени». «Ибо почему, – негодовал Крыленко, – нельзя было поставить вопрос так, что с точки зрения политики пролетарской власти только три меры репрессии должны иметь место: ряд мер общественно-морального воздействия вплоть до условного осуждения (возложения обязанности загладить вред, принудительных работ без лишения свободы и т.д.) с одной стороны, лишение свободы на длительный период, не менее 3-4 лет с неопределенными приговорами и правом исправительно-трудовых органов по своему усмотрению изменять или укорачивать сроки изоляции – с другой стороны, и, наконец, расстрел, как жестокая, но в то же время наиболее действительная мера самообороны. Все остальные меры должны были бы быть при последовательной постановке вопроса исключены из нашего перечня мер социальной защиты. Такая постановка проблемы представлялась бы вполне обоснованной, принципиально последовательной и логичной... Все вместе заставляет поставить вопрос в области уголовной политики: 1) о ликвидации коротких сроков лишения свободы, 2) о серьезной постановке дела в исправительно-трудовых учреждениях и наконец, 3) о необходимости коренной переработки нашего Уголовного кодекса, может быть, вплоть до постановки вопроса о целесообразности вообще самого построения кодекса из статей, снабженных карательными санкциями» [5, с. 88].

В отличие от Крыленко, Е.Г. Ширвиндт (на тот момент являвшийся заместителем наркома внутренних дел, начальником ГУМЗ НКВД РСФСР и Центрального управления конвойной стражи СССР) в своем докладе «Проблема тюрем», прочитанном на пленарном заседании Го-

¹ Красильников С.А. Рождение ГУЛАГа: Дискуссии в верхних эшелонах власти // Исторический архив. 1997. № 4. С. 142–156.

² Исключение составляли несколько политизоляторов (тюрем) и Управление Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения (УСЛОН или СЛОН), находившиеся в ведении ОГПУ при СНК РСФСР.

сударственного института по изучению преступности и преступника (руководителем которого он также являлся), не ограничился критикой действующего уголовного законодательства, а прямо констатировал: «Рост населения мест заключения, наблюдающийся в 1927 г., происходит отнюдь не за счет повышения преступности в стране, а исключительно за счет перепроизводства наказаний со стороны судебных органов». Это обстоятельство заставляет «поставить вопрос о режиме экономии в карательной политике» [8, с. 1063]. Этот режим, как полагал Ширвиндт, на практике должен проявиться в уменьшении роли лишения свободы («меры общего предупреждения») в пользу мер воспитательного характера, или «частного предупреждения». Первая из них должна применяться только «в области борьбы с преступлениями, направленными непосредственно против существования государства трудящихся» и должна быть постепенно вытесняема «за счет роста значения частного предупреждения – в области борьбы с общей уголовной преступностью». «Между тем, – писал Ширвиндт, – мы каждодневно наблюдаем и в области борьбы с уголовной преступностью чрезмерное увлечение общим предупреждением с параллельной недооценкой значения частного предупреждения. В этом сказываются стихийность, непланованность, отсутствие марксистского подхода, неумение или нежелание сделать правильные практические выводы из бесспорных, марксистски выдержанных положений» [15, с. 76-77]. Все это являлось, по мысли автора, во многом следствием той непоследовательности, которую проявлял сам Н.В. Крыленко в вопросе о векторе реформ в области уголовного права.

Как указывал Ширвиндт, «в 1923 году на Всероссийском съезде работников пенитенциарного дела Н.В. Крыленко говорил: "Сплошной маниловщиной является такое положение вещей, когда в атмосфере гражданской войны, в атмосфере классовой обостренной войны, в атмосфере социальной разрухи, когда деклассированные элементы старого общества имеются налицо, – маниловщиной будет думать, что до изменения этих общих условий, путем содержания в тюрьме, вы этого человека переработаете". А в 1927 г. в 4-м номере журнала "Революция права" Н.В. Крыленко в числе трех вопросов уголовной политики, которые он ставит, включает вопрос "О серьезной постановке дела в исправительно-трудовых учреждениях". Далее, если в 1924 году на Всероссийском съезде деятелей советской юстиции Н.В. Крыленко защищал "аптекарьские" или

"алгебраические" дозы тюремного заключения и доказывал, что "длительные сроки нам не по карману", то в 1927 году он уже приходит к убеждению, что "говорить об исправительно-трудовом воздействии в порядке заключения на 2-3 месяца в тюрьму – бессмыслица; говорить о серьезных результатах подобной политики с точки зрения других целей, которые ставит себе наш суд, – защита государства, воспитание трудовой дисциплины и т.д. – является, равным образом, недопустимой натяжкой"» [15, с. 77-78].

Следуя мысли Ширвиндта, такая противоречивая позиция одного из руководителей советской юстиции лишь отдаляла начало того исторического периода в жизни советского государства, когда «сфера применения лишения свободы должна систематически суживаться и, соответственно, должна расширяться сфера применения так называемых альтернатив к лишению свободы, точно так же, как все вообще применяемые меры социальной защиты должны все более терять характер репрессии и приобретать характер воспитательных мер» [15, с. 78-79].

Подобная теоретическая постановка вопроса Е.Г. Ширвиндтом и, тем более, ее практическое воплощение в деятельности возглавляемого им ГУМЗ, не могла не вызвать резкой, если не сказать более – агрессивной критики в его адрес. И хотя в заметке руководящего работника Прокуратуры РСФСР С.Д. Файнблита в качестве ее адресата весьма обтекаемо были обозначены «некоторые товарищи пенитенциарные работники», однако вряд ли у кого-то оставались сомнения, что главным объектом нападок являлся руководитель ГУМЗ. Файнблит фактически обвинил Ширвиндта в отстаивании «либеральной теории тюремной демократии, выражающейся в доволно щедрым зачете так называемых рабочих дней *всем* (курсив наш. – Д.Б.) категориям тюремных сидельцев, в механическом их переводе из разряда в разряд, по мере наступления соответствующих сроков, в поспешном снятии установленной судебным приговором строгой изоляции...» и т.д., вплоть до «досрочного освобождения немедленно по отбытии полсрока, часто даже – в связи с зачетом рабочих дней и несколько раньше» [10, с. 326]. Автор статьи грубо поименовал «либеральной дребеденью» попытки приспособления всех лиц, совершивших преступные деяния, к условиям советского общежития (что прямо указывалось в п. «в» ст. 9 УК РСФСР в качестве одной из целей применения мер социальной защиты без всяких оговорок относительно классовой или социальной окраски личности

преступника). «Совершенно очевидно, — писал он, — что мы и не собирались исправлять, например, попов...; более чем ясно, что спекулянты-валютчики, шулера, чиновники... злостные растратчики-кутилы, аферисты-мошенники крупного калибра, различные темные дельцы нэповской окраски... являются чрезвычайно неблагоприятными объектами для исправительного «приспособления» [10, с. 326]. Кроме того, по мнению Файнблита, исправительный «фраж» несовместим и с краткими сроками лишения свободы, причем «не потому только... что в течение кратких сроков никого нельзя исправлять... а просто потому, что лишение свободы в наших советских условиях является чрезвычайно серьезной мерой социальной защиты, крепко бьющей по все растущему сознанию трудящегося». В итоге выход из сложившейся ситуации «перманентной тюремной перегрузки» С. Файнблит видел «в осторожном подходе судебного приговора к кратким срокам лишения свободы... и досрочном освобождении, которые построены на совершенно правильных началах ИТК» [10, с. 328].

В значительной степени позиции НКЮ были усилены принятым 26 марта 1928 г. ЦИК и СНК РСФСР постановлением «О карательной политике и состоянии мест заключения»¹, хотя содержание этого нормативного документа носило двойственный характер. Так, с одной стороны, Наркомату юстиции было рекомендовано «в максимальной степени развить практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты, применять лишение свободы к случайным преступникам только в тех случаях, когда применение иных мер является либо невозможным, либо явно нецелесообразным». Сам перечень таких мер предлагалось дополнить принудительными работами без содержания под стражей, устранением от должности и снятием с работы на определенные сроки, лишением права занимать ответственные или выборные должности, выговором с опубликованием на общих собраниях предприятий либо в печати и др. Одновременно в постановлении отмечалось «отсутствие планомерной и достаточно выдержанной с классовой точки зрения политики в регулировании пребывания осужденных в местах лишения заключения, в частности, недостаточное обоснованное допущение в ряде случаев льгот для классово-чуждых и социально-опасных элементов исключительно по формальным основа-

ниям». Для таких категорий преступников признавалось необходимым дополнять назначение суровых мер репрессии «не менее строгим осуществлением приговоров, допуская смягчение принятых судом мер социальной защиты и досрочного освобождения этих категорий преступников лишь в исключительных обстоятельствах и в условиях, гарантирующих их действительную социальную безопасность для общества». Одновременно НКЮ и НКВД поручалось разработать проект закона, «вводящего в Исправительно-трудовой кодекс право соответствующих органов ставить вопрос о необходимости продления сроков или принятия новых мер социальной защиты в отношении лиц, не поддающихся исправлению». Таким образом, стремление правительства «разгрузить» места лишения свободы сопровождалось и требованием ужесточить режим содержания отдельных категорий осужденных в подведомственных НКВД учреждениях.

Руководство накромата не могло оставить без внимания эти указания правительства страны. На II Всероссийском съезде административных работников нарком внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачев в своем докладе заявил: «Для классового врага тюрьма должна быть повернута всеми своими острыми углами и никакого смягчения допущено быть не должно...». При этом, однако, он отметил, что «расхлябанность, которая есть, не является результатом нашей воли, а результатом неумения проводить карательную политику, непонимания, результатом недостатка средств, которые здесь необходимы» [6, с. 646]. «Если же говорить о виновных... в том, что практика не вполне соответствует теории, — подчеркнул Толмачев, — то эти виновные находятся не только внутри органов, проводящих эту политику, но в гораздо большей степени они находятся вне этих органов» [6, с. 645].

Также по этому поводу выступили на страницах печати Е.Г. Ширвиндт и сотрудник ГУМЗ Б.С. Утевский. Статья последнего представляла собой прямой ответ С. Файнблиту, которого Утевский, обвинил в отрицании основ и ценнейших завоеваний советской уголовно-исполнительной политики — досрочного освобождения, зачета рабочих дней, перевода из разряда в разряд и др. [9]. Ширвиндт же в своей статье фактически прямо процитировал слова своего руководителя Толмачева, сказанные им на съезде: «Места заключения не должны превратиться

¹ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР по докладам Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел о карательной политике и состоянии мест заключения (Протокол ВЦИК № 49 от 26/III—28 г., п. б) // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417—419.

в дома отдыха; недисциплинированности и расхлябанности среди заключенных не должно быть места; отсутствие авторитета у администрации и фамильярное отношение заключенных к надзору не могут считаться нормальными явлениями». При этом он твердо выступил за ограничение всяческих стремлений «варваризировать» места заключения: «Суровость, жестокость, ненужные лишения, стремление всячески сделать пребывание в месте заключения возможно тяжелым и мучительным, попытки обратить места заключения в «советскую каторгу», все это также резко противоречит основным положениям ИТК и точно так же не может быть терпимо, как и обратное явление» [13, с. 49]. Весьма категоричен был Ширвиндт и в вопросе о привлечении к труду и культурно-просветительной работе: *«Это положение сохраняет свою силу и в отношении классово-чуждых и классово-враждебных, а также деклассированных элементов* (здесь и далее курсив автора. – Д. Б.). Изолируя их от общества, защищаясь от них и лишая их возможности совершения общественно-опасных действий, советская власть не прибегает, однако, по отношению к ним к тем методам, которые буржуазные государства применяют в отношении своих заключенных. И в применении к классово-чуждым и классово-враждебным заключенным необходимо *выдержанное отношение* и соблюдение правил режима, установленных и для них Исправительно-трудовым кодексом» [13, с. 50]. Этот тезис также следует рассматривать как ответ С. Файнблиту и стоящим за ним гораздо более серьезным политическим фигурам. Исправление всех заключенных, как следовало из слов Ширвиндта, – это отнюдь не «либеральная дребедень», а одна из задач советских мест лишения свободы, и она будет неуклонно выполняться всеми мерами, предусмотренными исправительно-трудовым законодательством.

Эти заявления представителей НКВД говорят о том, что, хотя они и не могли открыто игнорировать высказанные в их адрес претензии, но при этом и не собирались выступить в роли «мальчиков для битья» и пассивных исполнителей руководящих указаний правительства (и, тем более, Наркомюста). Напротив, Толмачев и Ширвиндт позиционировали свое ведомство в качестве активного игрока на политическом поле. При этом они прекрасно понимали, что отстоять интересы НКВД они смогут лишь в том случае, если ГУМЗ перестанет быть затратным для бюджета и полностью перейдет в режим самоокупаемости (хотя эту задачу перед ведомством ставил еще

Ф.Э. Дзержинский). Либо, по крайней мере, если им удастся продемонстрировать руководству страны явное движение НКВД в этом направлении. В противном случае, и сохранение Наркомвнуделом контроля над ГУМЗ, и само существование наркомата оказывались под угрозой. Поэтому выступления Толмачева и Ширвиндта, вполне отвечая главной политической линии того периода, были проникнуты духом «индустриализации» и «рационализации» советской системы мест заключения за счет привлечения к труду всего контингента осужденных [2, с. 5].

Ширвиндт, как опытный полемист, не забыл подвести под отстаиваемые им и Толмачевым тезисы «марксистскую базу». Диалектический подход к «исправлению», как утверждал руководитель ГУМЗ, позволяет освободить это понятие от чисто буржуазных представлений о моральном возрождении или духовном перерождении и приобрести «материалистически последовательный характер приспособления к условиям трудового общежития». «Благодаря такому революционно-утилитарному подходу, – заключал Ширвиндт, – места заключения могут, не теряя из виду исправительно-трудовых задач, которые поставлены им советским законодательством, развиваться в направлении самоокупаемости и максимального развития производственных организаций, которые одновременно являются реальной базой исправительно-трудового воздействия» [13, с. 38]. Однако воплощение этих замыслов руководителей НКВД на практике было сопряжено со значительными трудностями.

Прежде всего – это продолжавшееся переполнение мест заключения. Все те меры, на которых настаивали Правительство РСФСР и Наркомат юстиции в итоге не дали ожидаемого результата: «перелимит» в местах лишения свободы уже в апреле 1928 г. практически вернулся к прежним показателям [14, с. 5]. Кроме того, как отмечал помощник прокурора РСФСР Ф.К. Траскович, судьи далеко не во всех случаях обоснованно назначали приговоры к лишению свободы со строгой изоляцией (по п. «б» ст. 20 УК РСФСР 1926 г.): «В ряде мест наши суды сильно перегибали палку. Лишение свободы со строгой изоляцией щедрой рукой давалось направо и налево, кому нужно и кому не нужно, нисколько, порой, не считаясь с тем, социально-опасен или не опасен осужденный» [7, с. 734]. Необходимо отметить, что все осужденные данной категории (в большинстве случаев на срок более 3 лет лишения свободы) подлежали направлению в изоляторы специального назначения, из которых «на ра-

боты вне территории места заключения ни в коем случае не выводятся» (п. 4 ст. 47, ст. 168 ИТК РСФСР 1924 г.). При этом, по данным, приводимым Е.Г. Ширвиндтом, «почти 50 % осужденных на срок 3–10 лет – это бытовики, т.е. рабочие и крестьяне, осужденные за убийство, тяжелые телесные повреждения, хулиганство и т. п.» [12, с. 10], однако их трудовой потенциал, при условии четкого следования букве закона, не мог быть использован.

Преступники-профессионалы и рецидивисты, напротив, в этот период преобладали среди всех осуждаемых на краткие сроки. «Если сравнить, – как писал Ширвиндт, – с точки зрения социальной опасности крестьянина, впервые, случайно (обычно в пьяном состоянии) совершившего даже убийство, с деклассированным профессионалом, имеющим за собой немалое количество приводов и судимостей, нетрудно решить, кто из них является наиболее социально-опасным. Между тем на практике наиболее социально-опасный получает краткий срок, а не представляющий столь большой социальной опасности – наиболее длительный из установленных Уголовным кодексом» [12, с. 10]. В результате глава ГУМЗ не без горькой иронии отмечал, что «в местах заключения создается своего рода "perpetuum mobile", бесконечное прохождение через "тюремные ворота" одной и той же, в сущности немногочисленной группы деклассированных рецидивистов-профессионалов» [12, с. 9].

В такой ситуации удержать места заключения, подчиненные НКВД, хоть как-то «на плаву» в экономическом и организационно-функциональном отношении можно было фактически единственным способом, а именно – систематично избавляясь от «балласта» рецидивистов (выпуская их на свободу при наличии первой же законной возможности) и одновременно заменяя их контингентом «бытовиков». В отношении же второй категории, в отличие от первой, весьма действенным было стимулирование их трудовой активности, дававшей возможность ГУМЗ хоть как-то свести свой материальный баланс. Именно это и делало руководство ГУМЗ, широко используя возможности условно-досрочного освобождения, представления к индивидуальной амнистии, перевода из разряда в разряд, зачета рабочих дней, снятия установленной судебным приговором строгой изоляции и др., т.е. всего того, что их противники называли «тюремной демократией». Одновременно руководители НКВД, как видим, и на теоретическом фронте пытались обосновать целесообразность и

необходимость реализации всех этих мер с опорой на действующее исправительно-трудовое законодательство. И в определенной степени им это удавалось. Однако уже к середине 1928 г. стало ясно, что складывающаяся уголовно-политическая конъюнктура с неизбежностью ведет к коллапсу системы мест лишения свободы.

Дело в том, что статистика преступности показала ее рост в 1927 г. на 7 % в сравнении с предыдущим годом. Данные за 1-е полугодие 1928 г. подтвердили эту тенденцию: росли показатели должностной, хозяйственной, имущественной преступности и даже преступлений против личности [1, с. 58–65]. Анализ изменений в общей социально-политической ситуации в стране в эти годы, в принципе, позволяет без труда выявить основные причины такого ухудшения обстановки в сфере преступности.

Провал государственных заготовок хлеба, случившийся в 1927 г., констатировал крах политики правительства большевиков по отношению к крестьянству. Ошибки ценовой политики, увеличение вложений в индустрию и другие факторы подрывали общий экономический баланс (так, удельный вес стоимости продукции сельского хозяйства упал с 60 до 49 %, а удельный вес стоимости продукции промышленности соответственно возрос с 40 до 51 % [1, с. 63]) и, соответственно, заинтересованность крестьян продавать хлеб государству [11, с. 149]. Все это сопровождалось увеличением общеторгового индекса розничных цен, при этом, как верно отмечал А.А. Герцензон, «если в отношении сельскохозяйственного и промышленного пролетариата, а также и в отношении бедняцких и середняцких слоев крестьянства непрерывно возрастающий доход служил достаточной страховкой от колебаний экономического положения, то в отношении экономически необеспеченных и вследствие этого социально менее устойчивых слоев населения – безработных и деклассированных – высокие цены и колебания их уровня являлись «фактором», обуславливавшим интенсивность их преступности в рассматриваемом периоде времени» [1, с. 62].

Сталин использовал начавшийся кризис хлебозаготовок для того, чтобы окончательно свернуть НЭП и начать чрезвычайную политику в отношении крестьянства. В свою очередь, радикализацию экономического курса он стремился использовать для разрушения уже устоявшейся коллективной модели управления страной и, напротив, укрепить свою личную власть и расширить сферу политического влияния [11, с. 150].

Начиная с февраля 1928 г. Сталин в ходе личной поездки в Сибирь разворачивает все силы административно-карательного аппарата против «кулачества». Его указания, как генерального секретаря ВКП(б), о начале «наступления на кулака» имели значительный вес и должны были восприниматься как руководство к активным действиям. При этом, как отмечает О.В. Хлевнюк, по инициативе Сталина реквизиции хлеба у крестьян «проводились не в чрезвычайном порядке, как ранее, а на основе постоянно действующего уголовного кодекса. Крестьян как спекулянтов отдавали под суд за отказ продать *свое* (курсив автора. – Д.Б.) зерно» [11, с. 153]. Только за такие действия в 1-м полугодии 1928 г. было осуждено около 7000 человек [1, с. 56].

«Нажим на кулака», опять же не без влияния Сталина, сопровождался и давлением на низовой партийно-хозяйственный аппарат с целью дать ясно понять его представителям, что против крестьян государством ведется самая настоящая война. К тем же лицам, которые вовремя этого не осознают и будут проявлять халатность, снисходительность и попустительство в ходе хлебозаготовительной кампании, будут также применяться меры уголовного воздействия. И это не было пустой угрозой. Так, только по результатам сталинской поездки Сибирским краевым судом за должностные преступления было привлечено к уголовной ответственности 555 человек по 450 уголовным делам (цифры, скорее, не реальные, а «отчетно-показные») за «расхлябанность отдельных звеньев низового, советского, административного и кооперативного аппарата, бездействие аппарата, связанного с выполнением директив по кампании, ненормальность взаимоотношений советского аппарата по вертикали» и т.д. Составы же конкретных «преступлений», вменяемых виновным формулировались следующим образом: «невыход на работу в связи с пьянством», «самовольное оставление работы по проведению хлебозаготовительной кампании», «непосещение заседаний», «самовольная отправка в командировку, не связанную с работой по кампании» и т.д. [3, с. 784–785]. Всего за подобные действия, относимые органами юстиции к категории «прочих должностных преступлений», в 1-м полугодии 1928 г. было осуждено около 15000 человек [1, с. 57].

Только вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что государство совершенно искусственным путем повысило объем зарегистрированной преступности (и без того растущей в результате ухудшения экономического положения в

стране) примерно на 22 тыс. преступлений. Рост масштабов применения уголовной репрессии имел своим неизбежным следствием дальнейшее увеличение числа приговоров к лишению свободы. Несмотря на директиву НКЮ и Верховного суда РСФСР от 20 августа 1928 г. о фактическом запрете применения лишения свободы сроком до года и циркуляр Верховного суда от 29 августа того же года о пересмотре уже вынесенных приговоров к кратким срокам лишения свободы, число таких осужденных в местах заключения продолжало расти. Так, например, обследование Сретенского дома заключения г. Москвы показало, что деятельность распределительной комиссии по выполнению вышеуказанных распоряжений привела лишь к частичной разгрузке учреждения: численность заключенных с приговорами до года уменьшилась с 516 лишь до 414 человек. При этом лимит наполнения «домзака» был установлен в 250 человек, а среднее поступление заключенных в октябре 1928 г. составляло около 10 человек в день. Большинство же вновь поступающих продолжали составлять осужденные-краткосрочники [4, с. 1014–1015].

Таким образом, в 2-м полугодии 1928 г. проблема «перелимита» ГУМЗ не только не была решена, но все более усугублялась. Руководство Прокуратуры РСФСР, не замечая ни этого, ни повышения уровня и масштабов уголовной репрессии в стране в целом, продолжало настойчиво требовать от НКВД ликвидации в деятельности ГУМЗ всех выявленных нарушений норм исправительно-трудового законодательства. Как категорично заявлял Ф.К. Траскович, «ликвидация перенаселения, а мы уже вступили в эту полосу, с одной стороны, и изживание судами своего недочета (в части необоснованного назначения режима строгой изоляции – Д. Б.), с другой, ставят вопрос о необходимости *реального* (курсив автора – Д. Б.) проведения в жизнь лишения свободы со строгой изоляцией и прекращения тех извращений, которые имели место до сих пор. Реальное проведение этой меры в жизнь потребует некоторой организационной работы со стороны НКВД, так как ограничиться наличием нынешних изоляторов вряд ли возможно. Той же организационной работы потребует и вторая задача, на выполнении которой НКЮ также не настаивал, исходя из перенаселения мест заключения». Здесь Траскович имел в виду указание ВЦИК и Совнаркома о полном устранении совместного заключения социально-опасных элементов и случайных преступников. «Директива, – подчеркивал он, – достаточно ясна

и категорична. Статья 8 ИТК, которая требовала устранения такого положения, когда бы худшие и наиболее опасные заключенные не оказывали вредного влияния на остальных заключенных, подтверждена Правительством еще раз. Остается одно – проводить ее в жизнь и проводить без отступлений и колебаний» [7, с. 734].

Итак, руководство НКВД было загнано в угол: приток заключенных в места заключения только возрастал, а применявшиеся ранее средства для «разгрузки» мест заключения и максимального использования трудового ресурса заключенных применяться уже не могли – циркулярами Центральной распределительной комиссии, согласованной с НКВД и Наркомюстом порядок зачета рабочих дней, досрочного освобождения и предоставления отпусков осужденным был в значительной степени ужесточен [7, с. 733–734]. К этому прибавлялось и то, что НКВД должен был собственными силами, без привлечения дополнительных финансовых ресурсов, решить поставленные перед ним задачи по соблюдению режима строгой изоляции и раздельного содержания рецидивистов и осужденных впервые. Все это фак-

тически ставило крест на «индустриальных» планах Ширвиндта и Толмачева – речь уже не могла идти не только о самоокупаемости ГУМЗ, но и даже о возможности какой-либо экономии его расходов. Соответственно, над всеми замыслами руководителей НКВД по сохранению контроля над ГУМЗ и упрочению своих политических позиций нависла реальная угроза. Выход из сложившейся ситуации у них был только один – доказать руководству страны, что именно они, практические работники исправительно-трудовой сферы, реально представляют роль и возможности мест заключения в рамках текущего вектора государственного строительства. При этом более убедительной позиция руководства НКВД РСФСР выглядела бы в том случае, если бы получила поддержку у представителей пенитенциарных ведомств и других республик Союза.

Именно такого результата, по всей видимости, предполагали добиться В.Н. Толмачев и Е.Г. Ширвиндт в ходе 1-го Всесоюзного совещания пенитенциарных деятелей, созванного в ноябре 1928 г.

(Окончание следует)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Герцензон А.А. Основные черты современной преступности в РСФСР // Революция права. 1929. № 4. С. 52–70.
2. К докладам Народного комиссара внутренних дел РСФСР т. Толмачева и начальника Главного управления местами заключения НКВД т. Ширвиндта на II Всероссийском съезде административных работников. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1928. 8 с.
3. Кожевников М. Смотр советского аппарата при проведении хлебозаготовок // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 28. С. 784–786.
4. Крастин И. Директивы, цифры и выводы // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 38/39. С. 1014–1015.
5. Крыленко Н. Пора! // Революция права. 1927. № 4. С. 84–91.
6. Толмачев В. Очередные задачи в области работы административных органов // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 22. С. 643–647.
7. Траскович Ф. Очередные задачи в области исправительно-трудовой политики // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 26. С. 733–734.
8. У. В Государственном Институте по изучению преступности и преступника // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 34. С. 1062–1063.
9. Утевский Б. «Тюрьмы» или «места заключения» // Административный вестник. 1928. № 6. С. 35–38.
10. Файнблит С. Тюремный режим и досрочное освобождение // Ежедневник советской юстиции. 1928. № 11. С. 326–328.
11. Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 464 с.
12. Ширвиндт Е. За ускорение реформы УК и ИТК // Административный вестник. 1929. № 6-7. С. 8–11.
13. Ширвиндт Е. Пенитенциарная система и очередные проблемы карательной политики // Революция права. 1928. № 3. С. 38–50.
14. Ширвиндт Е. Перспективы уголовной политики и лишение свободы // Проблемы преступности. Вып. 3. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1928. С. 3–16.

15. Ширвиндт Е. Проблемы советского уголовного права на грани второго десятилетия Октября // Советское право. 1927. № 6. С. 74–83.
16. Solomon P. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. New York: Cambridge University Press, 1996. 494 p.

REFERENCES

1. Gertsenzon A.A. Osnovnye cherty sovremennoi prestupnosti v RSFSR [The Main Features of Modern Crime in the RSFSR]. *The Revolution of Law*, 1929, no. 4, pp. 52–70. (In Russ.).
2. K dokladam Narodnogo komissara vnutrennikh del RSFSR t. Tolmacheva i nachal'nika Glavnogo upravleniya mestami zaklyucheniya NKVD t. Shirvindta na II Vserossiiskom s"ezde administrativnykh rabotnikov [To the Reports of the People's Commissar of Internal Affairs of the RSFSR, Comrade Tolmachev and the Head of the Main Directorate of Places of Detention of the NKVD, Comrade Shirvindt, at the II All-Russian Congress of Administrative Workers]. M., Publishing House of the NKVD RSFSR, 1928. 8 p. (In Russ.).
3. Kozhevnikov M. Smotr sovetskogo apparata pri provedenii khlebozagotovok [Inspection of the Soviet Apparatus during Grain Procurements]. *Soviet Justice Weekly*, 1928, no. 28, pp. 784–786. (In Russ.).
4. Krastin I. Direktivy, tsifry i vyvody [Directives, Figures and Conclusions]. *Soviet Justice Weekly*, 1928, no. 38/39, pp. 1014–1015. (In Russ.).
5. Krylenko N. Pora! [It's time!]. *The Revolution of Law*, 1927, no. 4, pp. 84–91. (In Russ.).
6. Tolmachev V. Ocherednye zadachi v oblasti raboty administrativnykh organov [Immediate Tasks in the Area of Work of Administrative Institutions]. *Soviet Justice Weekly*, 1928, no. 22, pp. 643–647. (In Russ.).
7. Traskovich F. Ocherednye zadachi v oblasti ispravitel'no-trudovoi politiki [Immediate Tasks in Prison Policy]. *Soviet Justice Weekly*, 1928, no. 26, pp. 733–734. (In Russ.).
8. U. V Gosudarstvennom Institute po izucheniyu prestupnosti i prestupnika [At the State Institute for the Study of Crime and Criminal]. *Soviet Justice Weekly*, 1927, no. 34, pp. 1062–1063. (In Russ.).
9. Utevsii B. «Tyur'my» ili «mesta zaklyucheniya» [«Prisons» or «Places of Detention»]. *Administrative Bulletin*, 1928, no. 6, pp. 35–38. (In Russ.).
10. Fainblit S. Tyuremnyi rezhim i dosrochnoe osvobozhdenie [Prison regime and early release]. *Soviet Justice Weekly*, 1928, no. 11, pp. 326–328. (In Russ.).
11. Khlevnyuk O. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin. The Life of One Leader]. Moscow, AST, CORPUS, 2015. 464 p. (In Russ.).
12. Shirvindt E. Za uskorenie reformy UK i ITK [For Accelerating the Reform of the Criminal Code and the Prison Code]. *Administrative Bulletin*, 1929, no. 6-7, pp. 8–11. (In Russ.).
13. Shirvindt E. Penitentsiarnaya sistema i ocherednye problemy karatel'noi politiki [The Penitentiary System and the Next Problems of Penal Policy]. *The Revolution of Law*, 1928, no. 3, pp. 38–50. (In Russ.).
14. Shirvindt E. Perspektivy ugolovnoi politiki i lishenie svobody [Criminal Policy Perspectives and Imprisonment]. *Crime Problems*. Issue 3. Moscow, Publishing House of the NKVD RSFSR, 1928. P. 3–16. (In Russ.).
15. Shirvindt E. Problemy sovetskogo ugolovnogo prava na grani vtorogo desyatiletiya Oktyabrya [Problems of Soviet Criminal Law on the Verge of the Second Decade of October]. *Soviet law*, 1927, no. 6, pp. 74–83. (In Russ.).
16. Solomon P. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. New York: Cambridge University Press, 1996. 494 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Бахарев Дмитрий Вадимович,
профессор кафедры публичного права
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: demetr79@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3922-3554

Information about the author:

Dmitry V. Bakharev,
Professor of the Department of Public Law
of the Perm Institute of the FPS of Russia,
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: demetr79@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3922-3554